

ла на него даже тогда, когда видела, что он сделал что-нибудь нехорошее.

Спокойно и терпеливо старалась я убедить его, как следовало бы поступить иначе. Не имела привычки обрывать мальчика на полуслове. Старалась внимательно выслушать его и тогда спокойно говорила сама. О том, чтобы я подняла руку на своего сына, не могло быть и речи.

Сейчас, когда я пишу эти строки, передо мной встает картина недавнего прошлого. Немцы уже в Краснодаре. Вот они топают сапогами и по нашим чистым комнатам. И здоровый рыжий немец с перекошенной от злобы физиономией бьет кулаком Олега прямо в глаза...

Я гордилась своим сыном. Не раз ходили мы с ним, взявшись за руку. Я была переполнена материнской гордостью, мне хотелось останавливать людей и говорить им: «Смотрите, какой у меня сын!»

Олег, словно чувствуя мое настроение, весело говорил:

— Правда, мама, я уже взрослый? Посмотри, я уже выше тебя.

В мечтах о будущем сын уже видел себя сначала студентом, потом инженером. Обещал мне помощь, отдых от работы, любовь и уважение в старости. Я смеялась и говорила ему, что еще не устала жить и что моя старость так далеко.

— Да и разве люди от работы устают? Устают от горя. А я, сынок, так счастлива с тобой!

Крепко подружился Олег и со своим дядей Колей.

Они дорожили друг другом, как брат братом. Они даже внешне были похожи на братьев, и это очень радовало Олега.

Часто они вместе читали книги, говорили о прочитанном, без конца спорили, выдумывали кроссворды, викторины, ребусы.

Великое это слово: старший товарищ!